
ПЕРВАЯ СТЕПЕНЬ

А.С. КОЗИНЦЕВ*

БОРЬБА ЗА ГОСУДАРСТВО: СИРИЙСКИЙ КРИЗИС СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЦЕНТР-ПЕРИФЕРИЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. В статье сирийский кризис рассматривается как результат нарушения каналов коммуникации между центром и периферией. Полагая, что настоящий кризис отражает трудности территориально-политического формирования САР, автор анализирует стратегии государственного строительства, которые привели к делегитимации центра и вспышке насилия. Выявлено, что замещение роли центра механизмом многоуровневого посредничества является оптимальной моделью урегулирования, способствующей консолидации сегментированной территории.

Ключевые слова: Сирия; государственное строительство; центр-периферийные отношения; урегулирование конфликта; посредничество.

Для цитирования: Козинцев А.С. Борьба за государство: Сирийский кризис сквозь призму центр-периферийных отношений // Политическая наука. – М., 2018. – № 4. – С. 223–240. – DOI: 10.31249/poln/2018.04.11

---

* **Козинцев Александр Сергеевич**, соискатель кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России, e-mail: kozintsev.a.s@my.mgimo.ru

Kozintsev Alexander, Moscow State Institute of International Relations, MFA Russia (Moscow, Russia), e-mail: kozintsev.a.s@my.mgimo.ru

© Козинцев А.С., 2018

DOI: 10.31249/poln/2018.04.11

A.S. Kozintsev
**A fight for the state: Syrian crisis through
the lens of center-periphery relations**

Abstract. The article sees the Syrian intrastate crisis as a result of a breakdown in communication between center and periphery. On the assumption that the current crisis reflects the difficulties of territorial and political formation of SAR, the author analyses the strategies of state-building that led to the delegitimization of the center and an outbreak of violence. It is stated that a mechanism of multilayered mediation which replaces the center is an optimal model of reconciliation, which facilitates consolidation of fragmented territory.

Keywords: Syria; state building; center-periphery relations; conflict mediation; conflict resolution.

For citation: Kozintsev A.S. A fight for the state: Syrian crisis through the lens of center-periphery relations // Political science (RU). – М., 2018. – N 4. – P. 223–240. – DOI: 10.31249/poln/2018.04.11

Сирийский кризис, выдвинутый на передний план «арабской весной», анализируется в научной литературе много и в разных ракурсах. Среди них траектория и внутренняя динамика кризиса [The Syrian uprising... 2018]; особенности политического режима Б. Асада [Ходынская-Голенищева, Сапронова, 2018], религиозно-конфессиональная ситуация в стране [Сарабьев, 2017], состав и цели сирийской оппозиции [Васецова, 2016; Ходынская-Голенищева, 2015], терроризм и борьба с ним [Дейч, 2017; Демченко, 2015], политика России в Сирии [Васильев, 2017; Вахшитех, 2018; Korybko, Hadda, 2017], вовлеченность региональных и внерегиональных держав [Кузнецов, 2014; Фененко, 2014; Шумилин, 2017].

Многие аспекты сирийского кризиса потребовали его рассмотрения в контексте общеарабской проблематики: это, например, трудности идентификационного выбора и конструирования национальной идентичности [Наумкин, 2014], факторы арабских революций и их последствия [Гринин, Исаев, Коротаев, 2016], арабская модернизация и политические институты [Кудряшова, 2015], политика региональных держав в зонах нестабильности [Малышева, 2016], новая специфика конфликтов на Ближнем Востоке [Звягельская, 2017; Конфликты и войны XXI века...].

В фокусе настоящей статьи – анализ сирийского кризиса как сбой в процессе строительства современного государства, для которого характерно наличие двух пространств: территориального и

национально-гражданского. Общая рамка исследования определена теорией центр-периферийной полярности, разработанной С. Рокканом и его последователями. Для Роккана центр-периферийные структуры выступают важной особенностью территориальной организации политических систем, раскрывающейся в процессах территориальной экспансии, политической централизации и концентрации населения.

В этой логике процесс государственного строительства имеет два аспекта: это *локализация власти* на территории с помощью стандартизации социальных норм и *организация каналов коммуникации* между центром и периферией [Rokkan, 1975]. Как показывает Роккан на историческом опыте Европы, в ходе процесса локализации формируется центр, устанавливается баланс отношений между землевладельцами, городским населением и военно-бюрократическими институтами, а также вырабатывается система сигналов, которая демаркирует территорию и определяет правила проходящих на ней транзакций. Этот этап обычно носит конфликтный характер. Если военная элита принудительно распространяет нормы, то городское население и землевладельцы предпочитают создавать механизмы разрешения споров и защиты прав собственности. Таким образом, конфигурация власти зависит от преобладающего компонента: принуждения, политической кооптации, экономического перераспределения, создания единых культурных норм.

В свою очередь, создание каналов центр-периферийной коммуникации связывает географическое пространство с пространством принадлежности (национально-гражданским) [Rokkan, 1987, p. 17–50] при помощи организации транспортной системы, размещения населения, экономической стратификации и реакции на внешние угрозы.

Сирийская Арабская Республика (САР) не является исключением из длинного списка государств, не сумевших завершить свое территориально-политическое формирование. Развитые городские центры Леванта¹, конкурирующие за капитал в зоне Средиземноморья, затрудняли создание единого государства, а транспортная система, сохранившаяся со времен Великого шелкового

---

¹ Левант – общее название стран восточной части Средиземноморья (Сирия, Ливан, Израиль, Иордания, Палестина, Египет, Турция и др.), в узком смысле – Сирии, Палестины и Ливана. В статье термин используется в узком смысле.

пути, формировала вокруг городов неоднородные периферии и способствовала углублению социально-политических размежеваний. Зависимость городов от иностранного капитала также затрудняла государственное строительство. Так, в ходе Второй мировой войны и последующих региональных конфликтов власть не увеличивала значительно налоговое бремя граждан и полагалась на крупные мировые державы, что привело к своеобразной «ресурсной автономии» государств Леванта от населения. В тех политиях, где у центра не хватало ресурсов для интеграции периферии и формирования пространства принадлежности, стабильность поддерживалась на основе патрон-клиентских связей, неформального распределения полномочий и нередко политической маргинализации [Wimmer, Min, 2006]. До середины XX в. связующим звеном территорий были племена.

В 2011 г. в Сирии вспыхнул ожесточенный военно-политический конфликт. Судя по его течению, можно предположить, что он выявил латентные противоречия, которые стали значимыми на образовавшейся критической развилке, предполагающей возможность принятия альтернативных решений [см.: Патцельт, 2013]. Что это за противоречия? Что спровоцировало их обострение? Каковы перспективы разрешения сирийского кризиса? Чтобы найти ответ на этот вопрос, мы выделим и проанализируем этапы государственного и национального строительства в стране сквозь призму попыток центра выстроить коммуникацию с периферией.

Стратегии территориально-политической консолидации Сирии до прихода к власти Башара Асада

Истоки процесса национального строительства на территории современной Сирии можно отнести ко второй половине XIX в. Османские власти выстраивали отношения преимущественно с арабами-суннитами, которые занимали ведущее положение среди других этноконфессиональных групп, составляя большинство населения. К 1920 г., когда империя прекратила свое существование, проявились две противоположные тенденции. С одной стороны, широкое распространение приобрела идея «Великой Сирии» как первого национального арабского государства. С другой стороны, соглашение Сайкса – Пико, разработанное зимой 1916 г. и поде-

лившее владения Порты между Великобританией и Францией, перечеркнуло все попытки создания единого государства [Александров, 1934]. Сирия, оказавшись под властью французов, была разделена на пять фактически независимых частей (Джабель Друз, Алеппо, Латакия, Дамаск и Александретта). Осознавая опасность объединения населения на основе арабского национализма, французы намеренно проводили политику поддержки этнических и религиозных меньшинств, в том числе закрепляя за ними должности в государственном аппарате [Hinnebusch, 2014]. Таким образом, контроль над территорией был организован по этноконфессиональному принципу, а племена занимали практически всю территорию административных областей Дамаска и Латакии и свободно кочевали в течение года.

Власти использовали две стратегии взаимодействия с региональными элитами: силовое усмирение особенно вольнолюбивых и покупку лояльности путем установления неформальных связей. Формальным выражением 20-летней политики «уступок и подчинения» стал изданный 4 июня 1940 г. указ № 132/LR [Hourani, 1946], который кодифицировал все декреты, касающиеся земельных вопросов, и установил взаимные обязательства населения периферии и правительства. Важным стало закрепление за отдельными феодалами права собственности, что способствовало формированию лояльной элиты.

В 1943 г. Сирия была провозглашена независимым государством. Последовавший за этим период характеризовался ростом националистических настроений и политической нестабильностью. Новые сирийские власти отошли от османской и французской концепции отношений с сегментами в парадигме «государства в государстве». Вплоть до 1958 г. сирийское правительство проводило региональную политику «принуждения», стремясь разрушить систему межклановых связей и заменить ее системой государственных институтов. В социально-экономической сфере произошла трансформация подходов к собственности на землю и к стратегии ведения хозяйства. Введение в оборот новых орудий производства превращало сельский труд в эффективную форму деятельности, что, в свою очередь, приводило к росту оседлых групп населения. Кочевникам пришлось сместить маршруты перегона скота ближе к крупным или средним городским агломерациям. К 1963 г. барьер между урбанизированной и сельской частью страны стал проницаем

не только из-за развития инфраструктуры, но и из-за проникновения в Бадию (восток и юго-восток) и Джазиру (северо-восток) отделений Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ).

Последним проектом государственного и национального строительства в Сирии (1979–2000) стало создание неопатримониальной системы, в основе которой лежала личная преданность тогдашнему лидеру страны – Хафезу Асаду. Стремясь преодолеть конфликт между центром и периферией, он достиг компромисса между алавитским военным командованием, суннитской экономической элитой и племенами. В конечном итоге эта система стала основываться на предоставлении суннитам защиты от посягательств на их предприятия и на гарантиях сохранения монополий в отдельных секторах экономики [Hinnebusch, 1989, p. 165–167]. Взамен суннитская буржуазия обеспечивала военных внеэкономической рентой, а племена, которые естественным образом располагались на обширных территориях юго- и северо-восточной части Сирии, поддерживали порядок, охраняли границы и сдерживали влияние курдов.

Кризис центр-периферийных связей в 2000–2011 гг.

Рассматриваемый в этом разделе период приходится на правление сына Х. Асада – Башара, который после смерти отца попал в сложное положение [см.: Юрченко, 2004]. С одной стороны, на него оказывали давление «старожилы» – военные, давние соратники отца, которые придерживались в основном консервативного курса. С другой – ожидания общественности, надежды на реформы в сфере экономики и модернизацию производства.

Вступив в должность, Б. Асад продолжил обновление «ближнего круга» государственного аппарата. Так, за два года около 50% политических и военных руководителей разного уровня были отправлены в отставку [Hinnebusch, 2012]. Это было принципиально важно для нового президента, так как он, совершив невероятный карьерный скачок, практически не имел верных союзников. В первые годы казалось, что он стремится перенести центр управления от военных к гражданским институтам, однако «обновление» так и не было доведено до конца: армия осталась одним из главных политических акторов в стране.

В 2003 г. были проведены выборы в парламент, состав которого обновился приблизительно на три четверти. Было расширено представительство традиционно «племенных» регионов (Ракка, Суэйда и др.), отправлен в отставку начальник Генерального штаба Сирии, алавит и близкий друг семьи Асадов А. Аслан. Во многом это было связано со стремлением восстановить конфессиональный баланс. Однако, хотя государственный аппарат и «помолодел» в среднем на семь-восемь лет, многие из функционеров сохраняли лояльность своим бывшим начальникам эпохи Асада-старшего, оставшимся в окружении его сына.

После 2005 г. в связи с внешнеэкономическими шоками и падением доходов от экспорта углеводородов государство сократило большинство субсидий и региональных трансфертов. Попытка либерализации торговли и привлечения иностранных инвестиций положительно сказалась на городах, где сфера услуг была относительно развита, но отдаленные районы испытывали нехватку финансирования, необходимого для сохранения кормовой и сельскохозяйственной базы на прежнем уровне. В Сирии началась деградация сельского хозяйства, которую усугубляли аномально долгая засуха и эрозия почв. Из-за либерализации экономики рынки стали занимать монополии, практически всегда основанные на клановых связях. Они концентрировали капитал в крупных городских центрах. Разорение сельского населения инициировало активную скупку земли по заниженным ценам представителями монополий, особенно теми, кто работал в сфере строительства. Началась активная миграция жителей периферии, которые расселялись в пригородах или в наиболее бедных городских районах. В дальнейшем они сформируют наиболее активную базу протеста и пополнят отряды вооруженной оппозиции.

Вместе с ухудшением социально-экономических условий продолжилась начавшаяся еще при Х. Асаде замена популярных региональных лидеров правительственными чиновниками из центра, которые думали о собственном обогащении больше, чем об интересах развития территорий. Если в 2003 г. Сирия занимала 66-е место в Индексе восприятия коррупции, то в 2009 г. – уже 126-е¹. В результате политический контроль над территориями был ослаблен. Таким обра-

---

¹ Corruption Perceptions Index / Transparency International. – Mode of access: https://www.transparency.org/research/cpi/cpi_2001/0 (Дата посещения: 06.05.2018.)

зом, попытка Б. Асада интегрировать периферию экономическими методами [Ахмедов, 2005] подорвала сложившийся за последние 40 лет баланс и привела к острейшему внутривластному конфликту, осложненному общей ситуацией в регионе.

Динамика конфликта после 2011 г.

Особенностью сирийского кризиса на начальных этапах его развития стала актуализация социально-статусных противоречий; позже к ним присоединились клановые и только затем этноконфессиональные разногласия. Первые протесты проходили под национальными лозунгами, да и сами оппозиционные силы, которые боролись против «диктаторского режима», старались привлечь на свою сторону как можно больше последователей из разных социальных групп. Немногим позже вакуум власти, образовавшийся в ряде регионов вследствие ослабления контроля центра, способствовал тому, что именно клановый фактор стал предопределять расклад сил на местах.

Начало открытой фазы сирийского кризиса было положено в провинции Дера, когда делегация племени пришла на встречу с руководителем местного отделения безопасности Атифом Наджибом с просьбой отпустить детей, помещенных в тюрьму за антиправительственные надписи на стенах местной школы. Руководствуясь обычаем, они сняли головные повязки и положили их на стол, подразумевая, что снова наденут их, когда вопрос будет решен (согласно традиции головная повязка – символ мужества и уважения). Наджиб же взял головные уборы со стола и бросил их в мусорное ведро. В ответ на это представители племен Зу'би и аль-Масалмех организовали в городе ряд демонстраций, которые стали предтечей многотысячной «пятницы племен», охватившей всю страну.

Динамика конфликта на северо-востоке (Джазира). С началом протестов Б. Асад предпринял ряд мер, направленных на замирение с преимущественно курдским населением региона [Аль-Асад ясдур марсум... 2011]. Предоставление сирийского гражданства, которого курды были лишены на протяжении нескольких поколений, и попытка наделить праздник Новруз статусом официального [Фусейфиса ат-танавуу... 2012] воспринима-

лись правительством как важный компромисс. Однако в 2011–2013 гг. конфликт на этой территории стал быстро интернационализироваться. Молодое поколение курдов получало поддержку от братьев из соседних Ирака и Турции. При помощи М. Барзани¹ началось активное формирование курдских сил национальной обороны в Сирии, аналога иракской *пешмерга* [Акрад сурийа... 2013].

События 2012 г. вкуче с недостатком материальных и людских ресурсов вынудили правительство эвакуировать большую часть подразделений Сирийской арабской армии с территории Джазиры, оставив под своим контролем только два больших города – аль-Хасека и аль-Камышлы. Образовавшийся вакуум власти стал быстро заполняться отрядами курдской партии «Демократический союз» (PYD), которая стала формировать собственные институты управления. К концу 2012 г. в регионе сложилось равновесие: центральное правительство продолжало контролировать крупные города, тогда как за курдами оставались сельские и пригородные территории.

Параллельно с этим курдские власти запустили процесс реорганизации территории. Они разделили регион на три кантона, в каждом из которых были образованы муниципалитеты, управляемые местным советом и подотчетные PYD. Новацией явилась организация коммун – низовых структур курдских общин, ответственных за предоставление базовых услуг населению и обеспечивающих связь с центральным аппаратом PYD.

К 2016 г. курдский административный аппарат стал перехватывать контроль над крупными городами и инфраструктурой региона. Например, в Камышлы жители создали три муниципалитета, которые обеспечивают безопасность и контролируют реализацию указов местных советов. При этом курдские вооруженные формирования поддерживают участие в самоуправлении и других меньшинств, в частности ассирийцев. Однако местные старейшины арабских племен не доверяют курдам, предпочитая взаимодействовать с Дамаском (либо с террористической организацией «Исламское государство» (ИГ) в период ее подъема).

Необходимо признать, что стратегия PYD принесла свои плоды. Территориальное деление северо-востока на три уровня

---

¹ Масуд Барзани – курдский и иракский политический деятель, в 2005–2017 гг. президент Иракского Курдистана (Курдского автономного района).

управления – кантоны, муниципалитеты и коммуны – помогает поддерживать обратную связь с населением и формирует новых представителей местной элиты, которые в перспективе могут выступить посредниками между населением и властными структурами. Одновременно курдская партия отодвигает на задний план представителей богатых землевладельческих семей и назначает главами муниципалитетов, больниц, учебных заведений специалистов из небольших городов (Катания / Румейлан), поощряя вертикальную мобильность. В связи с угрозой распространения ИГ курдские власти издали специальный указ [Исдар канун... 2014], обязывающий каждого молодого человека пройти шестимесячные курсы военной подготовки. Это не только способствовало защите территории, но и позволяло контролировать молодежь.

Динамика конфликта на востоке и юго-востоке (Бадия).

Этот регион обладает своей конфликтной спецификой, обусловленной добычей и транспортировкой углеводородов. Там расположены нефтяные месторождения, а также инфраструктура транспортировки иракской нефти и газа. Хотя в настоящее время нефтепровод, ведущий из Ирака, не функционирует, в случае возобновления его работы он станет ключевой транспортной артерией. Что касается местных племен, то они, не обращая особого внимания на проведенную в 1920 г. границу между Ираком и Сирией, исторически поддерживают друг с другом прочные культурные, этнические, семейные и экономические связи.

Копившиеся десятилетиями региональные дисбалансы и неудачные попытки авторитарной консолидации привели к тому, что в рассматриваемый период социальные процессы в стране определяются двумя факторами – фрагментацией социальных связей до уровня отдельных семей и подвижностью лояльностей, которая приводит к многочисленным вооруженным столкновениям на локальном уровне. Например, в провинции Дейр эз-Зор, чье население насчитывает порядка 2 млн человек с преимущественно племенной идентичностью, протесты против Б. Асада всего лишь через 10 месяцев сменились «войной всех против всех». Отсутствие центра, разрозненность, внутригрупповая солидарность на основе родства объясняют сложность создания какой бы то ни было политической структуры, которая взяла бы на себя функцию представления интересов населения Бадии.

Этот факт объясняет и ход вооруженного противостояния жителей Бадии с правительством. В 2012–2013 гг. захвату подверглись КПП, военные базы, посты полиции и дорожно-патрульных служб, которые располагались вдоль дорог, проходящих через «сирийскую степь». Также в регион проникли структуры ИГ, быстро нарастившие свое влияние за счет грамотной идейно-организационной работы. По принципу родства стали создаваться военизированные отряды, усложняя и без того мозаичную картину конфликта. Если еще в 2015 г. представлялось возможным анализировать динамику конфликта сквозь призму племенных связей, то в современных условиях, когда центральное правительство самоустранилось от посреднической роли, расколы пролегают внутри отдельных племен по оси «семья шейха – остальные претенденты на этот статус».

Политический курс на создание лояльных племенных элит, проводившийся в течение 40 лет, был комфортен для центра, однако привел к делегитимации шейхов среди местного населения. В результате на ранних этапах конфликта они не смогли выполнить свою основную задачу: быть посредниками в урегулировании противоречий, обеспечить возможность коммуникации между населением и правительством. Центр же сконцентрировался на собственном выживании, защищая наиболее урбанизированные территории, и предоставил население региона самому себе. В результате регион должен был сам обеспечивать безопасность, денежные поступления, оказание базовых услуг населению небольших городов. В таких условиях жителям ничего не оставалось, кроме как взяться за оружие и сотрудничать с террористическими группировками и региональными игроками. Так, клан Бушамель, входящий в состав племени Акейдат и формально подчиняющийся ему, на протяжении нескольких лет (до 2014 г.) продавал нефть ИГ, зарабатывая до 3 млн долл. в день [Gordts, 2014], что позволяло обеспечивать жизнедеятельность нескольких поселений и поддерживать отряды самообороны. Оппортунизм, захват нефтяных вышек и нефтепроводов стали настолько обычным явлением, что потребовалось сотрудничество террористических организаций ИГ и «Джабхат ан-Нусра» (ДАН) в создании шариатских судов, которые жестоко карали лидеров нелояльных вооруженных группировок. После раскола, произошедшего между этими организациями, обе использовали племенной фактор для мобилизации населения в своих целях. В целом сирийская периферия вернулась

к состоянию «государства в государстве», характерному для периода французского мандата.

Таким образом, при всем разнообразии рисунка протестов в качестве лейтмотива сирийского кризиса важно выделить две составляющие – фрагментацию и самоорганизацию групп. В этих процессах скрывается вызов не только перспективам урегулирования, но и возможности прекращения боевых действий.

Посредничество как основное направление сирийского урегулирования

Что позволяло купировать насилие и добиваться институционализации конфликта между центром и периферией до событий 2011 г.? Принципиальным в этом отношении представляется умение баасистского руководства и военного аппарата прислушиваться к поступающим от регионов сигналам и достигать компромисса с элитами вне зависимости от степени централизации власти.

Перелом произошел в конце правления Х. Асада, когда региональные элиты стали полностью формироваться центром. Местные лидеры оказались в ситуации «двойной лояльности» – и в этой ситуации выбрали подотчетность центру. Этот шаг запустил процесс делегитимации власти среди жителей периферии, который не прекращался вплоть до 2011 г. Столкнувшись с внутренними и внешними вызовами и растеряв свой авторитет, формальные руководители регионов не только не смогли транслировать разумные инициативы центра о деволюции полномочий, но не справились и с ролью коммуникаторов между населением и государством. Таким образом, *посредничество* (внешние гарантии и третья сторона, содействующая имплементации компромиссов) и *распределение полномочий* (*de jure* в договоренностях) представляются единственной возможной стратегией урегулирования гражданской войны.

Принцип посредничества на международной арене. В ходе сирийского кризиса все региональные (Иран, Турция, КСА, Катар, Иордания, отчасти Ливан) и международные (Россия и США) игроки пришли к выводу, что без наличия политической опоры внутри страны любые договоренности останутся на бумаге. С этой целью каждый из обозначенных игроков стал заниматься «оформлением» оппозиции как внутри страны, так и за ее пределами.

По разным оценкам, в стране действует более 1000 вооруженных группировок, которые объединяются во фронты, коалиции и армии. Большинство из них постоянно меняют лояльности в зависимости от динамики на фронтах и материально-технической подпитки.

Большинство мероприятий по сирийскому урегулированию с участием России, Ирана и Турции в рамках «астанинского формата», т.е. прямых переговоров между противоборствующими сторонами, являются практическим воплощением принципа посредничества в условиях разрушения центр-периферийных связей. Деятельность стран – гарантов режима прекращения боевых действий (РПБД) по формированию лояльных группировок не уступает по своей значимости задаче завершения насилия и принуждения воюющих сторон к сложению оружия.

Интересно отметить, что Россия и Иран в этом вопросе придерживаются разных подходов. Москва консолидирует лояльные силы с помощью *центров по примирению сторон*, настаивая на том, чтобы Турция и Иран закрепляли замирения через центры Министерства обороны России. Российский тип посредничества, подкрепленный переговорами в Астане и членством в Совете Безопасности, сближает Москву с видением урегулирования командой специального представителя Генерального секретаря ООН по Сирии С. де Мистуры. Иран опирается на конфессиональные и клановые связи, а также «особые» отношения с Дамаском. Это дает возможность объемного видения ситуации на местах, но подрывает инклюзивный характер урегулирования. Для Турции «курдский вопрос» остается основной угрозой, а сирийский регион Джазира – ключевым.

С приходом ближневосточной команды Д. Трампа, костяк которой составляют выходцы из военных структур, США увеличили свое присутствие в районах Джазире и координацию с курдскими отрядами. Реализация идеи *зон стабильности и перемирия*, с точки зрения американцев, будет способствовать закреплению политической и социально-экономической роли местных советов и поощрять самоуправление. Важным моментом является налаживание параллельной координации с Россией в рамках Международной группы посредников по Сирии (МГПС), созданной Советом Безопасности ООН и пока находящейся в подвешенном состоянии, и контактами по линии Россия – США – ООН. Ось КСА – Катар – Иордания хотя и оказывает значительное влияние на формирование

лояльной оппозиции, ограничена в выборе средств материальным стимулированием, информационно-пропагандистской работой и предоставлением тренировочных баз (Иордания) преимущественно в южных и юго-восточных районах Сирии.

Женевский¹ и астанинский форматы урегулирования зависят от динамики боевых действий. Участники обеих площадок пытаются не только сблизить позиции сторон, но и согласовать подходы различных игроков, так или иначе контролирующих расклад сил «на земле». Переговоры в Астане используются Москвой как эффективный инструмент включения в политический процесс группировок, не требующих немедленной отставки президента Б. Асада, а также как площадка проработки новых инициатив.

Внутрисирийскую динамику отражают так называемые *платформы*, которые представляют вооруженную и мирную оппозицию на международной арене. Наиболее крупные среди них – «Эр-Риядская платформа», представленная преимущественно Высшим комитетом по переговорам (ВКП), «Московская» и «Каирская» платформы. Команда С. де Мистуры перед женевскими конференциями по сирийскому урегулированию формировала единую делегацию от оппозиции, которая и выступает «общим фронтом» в ходе переговоров с правительством Б. Асада. Несмотря на то что посредником в переговорах выступает ООН, ход процесса контролируется как странами – гарантами РПБД, так и монархиями Персидского залива. Таким образом, ситуацию определяет группа медиаторов с разной степенью влияния.

В дальнейшем все игроки, очевидно, будут стремиться к деэскалации путем достижения договоренностей с отдельными группировками, самоуправляющимися территориями и местными советами. Учитывая сохраняющуюся сегментированность САР, неизбежным может оказаться районирование территорий² с закреплением границ ряда оппозиционных центру областей. Облегчение гуманитарной ситуации и предоставление первоочередных услуг населению должны стать отправной точкой урегулирования. Однако наиболее принципиальным будет, как представляется,

---

¹ Мирные конференции по Сирии в Женеве под эгидой ООН (2012, 2014, 2016).

² Начало этому процессу положила договоренность стран-гарантов о принципах деэскалации в Сирии, достигнутая в мае 2017 г.

присутствие сил стран-посредников, способных контролировать имплементацию соглашений.

Развитие ситуации в ряде районов САР отвечает авторскому видению ситуации в Сирии. Это, в частности, прекращение боевых действий в районах провинции Дамаск Куфрае и Забадани на основе соглашения между представителями Турции и Ирана при посредничестве ООН; случай Хамы, где Б. Асаду удалось сохранить контроль с помощью увеличения финансирования и опоры на влиятельные семьи; случай аль-Таля, где при посредничестве России договор между городом и центром был изменен в сторону расширения самоуправления.

Заключение

Подводя итог, можно утверждать, что, несмотря на сменявшие друг друга политические проекты, методы консолидации сирийской территории не претерпевали существенных изменений: это поиск легитимных посредников от сегментов, достижение с ними неформальных договоренностей, имплементация договоренностей. Другими словами, отношения между центром и территориями всегда носили патрон-клиентский характер и строились на основе компромисса с региональными элитами [Batatu, 1999]. Протесты 2011 г. и последующая радикализация оппозиции явились следствием нарушения устоявшейся системы, и процесс торга, который всегда неявно присутствовал, приобрел характер открытого вооруженного противостояния. Причиной этого стала не только ошибочная стратегия Б. Асада на первом этапе протестов, но и кризис сети патрон-клиентских связей, выстроенных еще во второй половине XX в.

В этой логике внутренняя вооруженная оппозиция – это представители периферийных элит, с которыми правительство Б. Асада и все внешние игроки пытаются выработать новую модель взаимоотношений. Отсюда берут свое начало идеи локальных замирений, местных советов и автономии.

Очевидно, в условиях произошедшей делегитимации центральной власти потребуется двухуровневая система *посредников-гарантов*, которые выработывают положения перемирия и контролируют его исполнение. Первый уровень – внешние игроки, обес-

печивающие имплементацию соглашений между центральным правительством и регионами, второй – новый слой региональных элит, который восстановит разрушенные связи между центром и местным населением.

Список литературы

- Акрад сурийа: Сыраа дахилиа ас-сыраа [Сирийские курды: борьба внутри борьбы] / International crisis group. – 2013. – Араб. яз. – Режим доступа: <https://d2071andvip0wj.cloudfront.net/syriais-kurds-a-struggle-within-a-struggle-arabic.pdf> (Дата посещения: 23.03.2016.)
- Александров Б.А.* Колониальные мандаты. Мировая колониальная система после 1919. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1934. – 179 с.
- Аль-Асад ясдур марсум ли таджнис акрад шимали шарки сурийа [Асад издал закон о натурализации курдов на северо-востоке Сирии] / BBC Arabic. – 2011. – 19 апреля. – Араб. яз. – Режим доступа: <http://www.bbc.com/arabic/multimedia/2011/04/110> (Дата посещения 3.07.2017.)
- Ахмедов В.М.* Сирия при Башаре Асаде. Региональный опыт модернизации в условиях внешней нестабильности. – М.: ИВ РАН, 2005. – 189 с.
- Васецова Е.С.* Исламистские группировки в сирийском конфликте // Вестник Московского государственного областного университета. – М., 2016. – № 4. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27811175> (Дата посещения: 15.06.2018.)
- Васильев А.М.* Сирия: Аргумент военно-космических сил // Азия и Африка сегодня. – М., 2017. – № 9. – С. 2–11; № 10. – С. 2–10.
- Вахитях А.Н.* Политика России на Ближнем Востоке в контексте кризиса в России: Вызовы и возможности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – М., 2018. – Т. 20, № 1. – С. 36–42.
- Гринин Л.Е., Исаев Л.М., Коротаев А.В.* Революции и нестабильность на Ближнем Востоке. – М.: Учитель, 2016. – 384 с.
- Дейч Т.Л.* Сирийский кризис и борьба с терроризмом: Международный аспект // Конфликтология / nota bene. – М., 2017. – № 2. – С. 8–24. – Режим доступа: http://e-notabene.ru/knt/article_23704.html (Дата посещения: 20.06.2018.)
- Демченко А.В.* Конфликт в Сирии: Стагнация миротворчества и экспансия исламистов // Перспективы. [Электронный журнал]. – 2015. – № 4. – С. 79–99. – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/oikumena/vostok/konflikt_v_sirii_stagnacija_mirotvorchestva_i_ekspansija_islamistov_2015-11-02.htm (Дата посещения: 12.06.2018.)
- Звягельская И.Д.* Конфликты на Ближнем Востоке: Тенденции и игроки // Восток. Афро-азиатские общества: История и современность. – 2017. – № 3. – С. 16–24.
- Исдар канун таджнид аль-иджбарий фи манатык аль-идара аз-затийа [Издание Закона об обязательной воинской повинности на территориях самоуправления]. – 2014. – 14 октября. – Араб. яз. – Режим доступа: <http://bit.ly/2n1PYP0> (Дата посещения: 7.05.2018.)

- Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка) / Отв. ред. В.В. Наумкин, Д.Б. Малышева. – М.: Институт востоковедения РАН, 2015. – 504 с.
- Кудряшова И.В. Кризисы политического развития: Арабское измерение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – М., 2015. – № 4. – С. 33–52.
- Кузнецов А.А. О роли Ирана в сирийском кризисе // Ежегодник Института международных исследований МГИМО (У) МИД РФ. – М., 2014. – № 2. – С. 84–93.
- Малышева Д.Б. Крупные региональные государства в зонах нестабильности Ближнего Востока // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2016. – Т. 60, № 9. – С. 28–36.
- Наумкин В.В. Проблема цивилизационной индентификации и кризис наций-государств // Восток. Афро-азиатские общества: История и современность. – М., 2014. – № 4. – С. 5–20.
- Патцельт В. Эволюция институтов, морфология и уроки истории. Можно ли извлекать уроки из истории? // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2013. – № 2. – С. 50–70.
- Сарабьев А.В. Вопросы межконфессиональных отношений в Сирии, которые могли бы называться новыми, если бы таковыми являлись // Религия и общество на Востоке. – М., 2017. – № 1. – С. 126–180.
- Фененко А.В. Междержавная конкуренция на Ближнем Востоке // Международные процессы. – М., 2014. – Т. 12, № 38. – С. 34–54.
- Фусейфиса ат-танавуу аль-муджтамаи масдар кувва саяскут аль-муамара [Мозаика социального разнообразия – основа силы против заговора] // Тишрин. – 2012. – 22 марта. – Араб. яз. – Режим доступа: <http://archive.tishreen.news.sy/tishreen/public/read/254095> (Дата посещения: 17.06.2018.)
- Ходынская-Голенищева М.С. Кризис в Сирии // Азия и Африка сегодня. – М., 2015. – № 6. – С. 13–20.
- Ходынская-Голенищева М.С., Сапронова М.А. Светские и этноконфессиональные аспекты политической системы Сирии до «арабской весны» (2000–2011 гг.) // Вестник Брянского государственного университета. – Брянск, 2018. – № 1. – С. 157–163.
- Шумилин А.И. Эволюция подходов США к конфликтам на Ближнем Востоке // США и Канада: Экономика, политика, культура. – М., 2017. – № 1. – С. 32–53.
- Юрченко В.П. Сирия: Проблемы национальной безопасности (военная политика и военное строительство в период правления ПАСВ 1963–2004). – М.: ИИИиБВ, 2004. – 246 с.
- Batatu H. Syria's peasantry, the descendants of its lesser rural notables, and their politics. – Princeton, NJ: Princeton univ. press, 1999. – 413 p.
- Gordts E. This is how ISIS makes \$3 million a day // The Huffington Post. – 2014. – Mode of access: https://www.huffingtonpost.com/2014/09/22/isis-funding_n_5850286.html (Дата посещения 01.02.2018.)
- Hinnebusch R. Globalization, the highest stage of imperialism: Core-periphery dynamics in the Middle East // The Middle East and Globalization: Encounters and Horizons / Ed. by Stetter S. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2012. – P. 21–40.

- Hinnebusch R.* Peasant and bureaucracy in Ba'athist Syria: The political economy of rural development. – Boulder, CO: Westview Press, 1989. – 325 p.
- Hinnebusch R.* Syria, revolution from above. – L.: Routledge, 2014. – 175 p.
- Hourani A.H.* Syria and Lebanon: A political essay. – L.: Oxford univ. press, 1946. – 402 p.
- Korybko A., Hadda H.* The revolution in Russia's Mideast strategy // Сравнительная политика. – М., 2017. – Т. 8, № 3. – С. 38–44.
- Rokkan S.* Dimensions of state formation and nation-building. A possible paradigm for research on variations within Europe // The formation of national states in Western Europe / Ed. by Ch. Tilly. – Princeton, NJ: Princeton univ. press, 1975. – P. 562–600.
- Rokkan S.* The center-periphery polarity. Center-periphery structures in Europe: An ISSC workbook in comparative analysis. – Frankfurt a. M.; N.Y.: Campus Verl., 1987. – P. 17–50.
- The Syrian uprising: Domestic origins and early trajectory / R. Hinnebusch, O. Imady (eds). – N.Y.: Routledge, 2018. – 344 p.
- Wimmer A., Min B.* From empire to nation-state: Explaining wars in the modern world, 1816–2001 // American sociological review. – 2006. – Vol. 71, N 6. – P. 867–897.